

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ГИПОТЕЗЫ

Понимание известного несоответствия западной институциональной теории постсоветским общественным реалиям предполагает использование отечественного научного потенциала, в том числе теории жизнедеятельности и универсального подхода. Это позволяет выдвинуть гипотезы о жизнедеятельности как субстанции и среде институтообразования, об институтах как способах и механизмах упорядочения жизнедеятельности, об институциональной универсумике и архитенктонике как особых подсистемах саморазвивающихся систем универсального типа.

В поисках ответов на императивные проблемы институтообразования ученые и политики новых независимых государств обратились к институциональной теории Запада. Это естественно и нормально. Ее освоение уже привело к ряду интересных научных результатов в работах С.Архиереева, В.Бодрова, В.Гейца, А.Гриценко, М.Зверякова, Б.Кваснюка, В.Маевского, В.Радаева, А.Шаститко, других ученых, и поиски продолжаются. Однако вполне возможно повторение уже пройденного: поочередное увлечение в недалеком прошлом монетаризмом и кейнсианством в конечном итоге не оправдало возлагавшихся на них надежд. Одна из главных причин – неадекватность их научной методологии условиям и характеру постсоветского общества и преобразований. Институциональная теория Запада произрастает на иной почве. Поэтому отечественная наука не может ограничиваться по отношению к ней лишь ретрансляционной и адаптационной функциями. Необходима опора на собственные фундаментальные теории, в том числе и на те, которые при поверхностном рассмотрении могут показаться непригодными. В статье представлены некоторые результаты поисков гносеологических оснований, предпосылок и содержания отечественной институциональной теории, которая бы вступила в творческий диалог с западной.

РЕТРОСПЕКТИВА

"Старому" институционализму и его современным последователям (теории игр, неполной рациональности, экономике соглашений, организаций, постиндустриального общества; поведенческой экономике или экономической психологии и др.) принято отказываться в приверженности строгой методологии и зрелому методическому инструментарию. Поэтому использованный М.Аллэ для характеристики "старого" институционализма термин "рассказывание сказок" имеет определенный смысл. Но, во-первых, этот термин имеет известное отношение и к неоклассике. Строгая математическая логика, поражающие воображение своей сложностью расчеты и построения зачастую лишь создают иллюзию научности, ибо описывают поведение поистине "сказочного" героя – homo oeconomicus. Во-вторых, по справедливому замечанию А.Шаститко, в институциональном "рассказывании сказок" содержатся большие

возможности для экономической интуиции, воображения, выявления тех аспектов экономических проблем, которые по тем или иным причинам пока не стали объектом исследования в рамках других направлений экономической теории¹. В-третьих, наука, конечно же, не сказка. Но всякий претендующий на творчество, не имеет права запретить ей начинать именно с того, с чего она считает нужным, – с мифа, сказки, аксиомы, бунта...

Предшественница "старого" институционализма – немецкая историческая школа – начала с бунта против космополитизма классики, сам же институционализм восстал против неоклассической ортодоксии, подвергнув жесткой критике его методологию и теорию. Эту традицию продолжают "новые" институционалисты в лице своих лучших представителей. По мнению Д. Канемана и А. Тверски, принятая в экономической теории идеализированная предпосылка рациональности весьма сомнительна, поскольку "человеческий выбор нередко оказывается упорядоченным, хотя и не обязательно рациональным в традиционном смысле слова"². Но можно ли считать антиметодологию одного из направлений экономической мысли методологией другого направления? Вероятно, лишь в меру возникновения в преломлении критических копий положительно формулируемых иных методологических постулатов. На мой взгляд, в их наличии "старому" и "новому" институционализму отказать невозможно.

В самом деле, выход за пределы мировоззренческого принципа рационализма не исчерпывается разработкой теории неполной рациональности. Опираясь, среди прочего, на прагматическую философию Ч. Пирса, отрицающую картезианское представление о предельно рациональном вычисляющем агенте, Т. Веблен, Дж. Коммонс и У. Митчелл акцентировали на роли инерции и привычек, которые во многом иррациональны. Дистанцируясь от неоклассики с ее *homo oeconomicus*, "старый" институционализм избирает объектом изучения скорее осознанно, чем неосознанно, *homo institutus* и скорее неосознанно, чем осознанно, целостного человека как биосоциальное существо и, соответственно, экономику "в контексте".

На фоне дефицита глубоко абстрактных построений и строгих дедуктивных выкладок тем более уместными выглядят эмпирические обобщения, использование описательных и эволюционно-социологических подходов. Это позволило приоткрыть новые смыслы в привычных категориях и предложить новый перспективный категориальный аппарат. Разумеется, ему недостает определенности, целостности и универсальности. Так, определение института Т. Вебленом как привычного образа мышления людей, который имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго³, вряд ли напоминает коллективную деятельность, призванную контролировать индивидуальную деятельность, как определяет институт Дж. Коммонс. Но не будем слишком строги, ибо изначально институт как базовая категория нового направления экономической мысли был призван отразить настолько богатую объективную и субъективную реальность, что трудно требовать исчерпывающего уровня универсальности его идентификации от пионеров, если и по прошествии столетия сплошь и рядом часть отождествляется с целым, а особенное – с

¹ Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 38.

² Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 17–18.

³ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 202.

общим. Например, в экономической теории организаций "принята трактовка институтов как *среды* или *рамок* деятельности организаций"⁴ (Выделено мною. – В.Т.). Неужели "среда" и "рамки" тождественны? А если нет, то неужели эти понятия являются абсолютными субститутами? Риторические вопросы.

Неприверженность какому бы то ни было жесткому ядру, отсутствие задающего характер и направление исследований "центра кристаллизации" способствовали свободному творческому поиску и появлению в результате этого ряда перспективных теоретико-методологических находок. Некоторые из них имеют прямое отношение к проблематике настоящей статьи.

"Все институты, – писал Т.Веблен, – можно в той или иной мере назвать экономическими институтами. И это неизбежно, поскольку точкой отсчета служит органическая целостность всех мыслительных стереотипов, сформированных в прошлом..."⁵. В этом фундаментальном положении сконцентрировано множество смыслов. Но один из главных – глубокое взаимопроникновение всех сфер человеческой жизнедеятельности, их взаимодействие и определяющая взаимозависимость. Это означает, что экономические институты могут иметь преимущественно неэкономическое происхождение, *а любой экономический феномен, процесс и т. п. в той или иной мере институционален*.

В этом контексте, в частности, представляются несколько схоластичными споры институционалистов о тождественности или нетождественности института и организации. Разумеется, эти споры не бесплодны. По мнению Б.Шаванса, сила теорий, отождествляющих институты и организации, в том, что они часто помещают внутриорганизационные правила в контекст более широкой системы права, в них сама организация институционализована правом и проводится параллель между правом и правилами внутреннего распорядка. Среди слабостей указанных теорий – игнорирование существенных различий между институтом и организацией, которые обусловлены иерархической и целенаправленной природой последней, игнорирование различий между двумя типами разделения труда – техническим и общественным⁶.

Однако представляется очевидным, что организация может быть названа институтом только в случае абстрагирования от всех ее характеристик, кроме институциональных. Организация же в своей тотальности как совокупность взаимодействующих акторов, а также условий, средств, процесса, институтов и результатов их жизнедеятельности, гораздо шире института, то есть институциональна лишь в определенной степени. Точно так же и институт организационен лишь в известном смысле. К примеру, организация не только ограничивает, но и освобождает коллективную и индивидуальную деятельность актора, соответственно институты в организационном контексте могут считаться разрешающе-ограничивающими.

Ното оесопотісус классики и неоклассики индивидуален, аисторичен, стационарен и равновесен. Последовательная оппозиционность ему в таком качестве не могла не привести "старый" институционализм к признанию социальной обусловленности, коллективности и эволюционности институтов.

⁴ Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах // Вопросы экономики. – 2003. – № 6. – С. 4; Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения. – С. 17–18.

⁵ Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? In: Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. New York, Russel and Russel. – 1961. – P. 72–73.

⁶ Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах. – С. 11.

Ключевым механизмом последней является искусственный отбор, осуществляемый экономическими субъектами в частных организациях посредством судебных процедур и политического процесса. Отбор предполагает представительный ряд уже имеющихся институтов. Но каково их происхождение? Для homo oeconomicus это безразлично, ибо его институты заданы. Человеческие же институты субстанцируемы и процессуальны. Трудно согласиться с тем, что их источником может быть *все, что угодно*, – властные структуры, обычаи, привычки, инициатива, как это предположил Дж.Коммонс⁷. Но если не все, что угодно, то что же? Этот вопрос остается открытым.

Неоинституционализм является гносеологическим ответом неоклассики на "бунт" "старого" институционализма и небезосновательно рассматривается как обобщенный неоклассический подход⁸. На мой взгляд, становление и развитие неоинституционализма является, в том числе, результатом двуединого процесса: неоклассического империализма как ключевой составляющей империализма экономического и неэкономического ответа на его вызовы. Последний проявляется, в частности, в прорыве "защитной оболочки" неоклассики и коррозии ее "жесткого" ядра. Соответственно неоинституционализм может быть представлен в качестве формы и результата движения противоречия между узкоэкономической методологией неоклассики и неадекватными ее эвристическому потенциалу объектами. Пытаясь освоить последнее, подчинить их своему "уставу", данная методология постепенно теряет собственную идентичность, вполне вероятно – незаметно для себя самой.

Разумеется, серьезного перерождения не произошло: ей пока удастся удерживать институты на службе homo oeconomicus, предпочитающему спонтанный порядок организованному. В чем это выражается? Прежде всего, само определение институтов как "правил игры", набора неформальных и формальных норм и механизмов принуждения к их исполнению подчеркнута операционально и функционально. В таком виде они значимы лишь для объяснения поведения экономических субъектов и влияния на принимаемые ими решения относительно эффективности использования ресурсов. Поэтому практически исчерпывающими выглядят информационная и координационно-распределительная функции институтов.

Во-вторых, весь набор норм и правил выстраивается по камертону рациональности как "супернормы". Поэтому те или иные институты выступают и предпосылкой рационального поведения экономического субъекта, и результатом выбора последним из имеющегося перечня норм и правил опять же по критерию рациональности. В-третьих, альтруистическое, или жертвенное, поведение⁹ остается вне поля зрения неоинституционалистов. Следовательно, неформальные нормы изучаются преимущественно как формальные, точнее – в формализованном виде, а последние оцениваются в координатах экономических издержек и выгод.

И все же, несмотря на приверженность неоклассики "жесткому" ядру, неоинституционализм ей не тождественен. Не без влияния "старого" институционализма ему удастся наблюдение за экономическим субъектом не только через неоклассическую призму. В результате у последнего обнаруживаются

⁷ Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории. – С. 34.

⁸ Там же.

⁹ Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 40.

некоторые новые – системные – качества: неинституционализм обретает определенную систему прав собственности, а вместо статуса "единого и неделимого" "черного ящика" осваивает статус системно устроенной организации со своими рутинными, обменами, контрактами; жизненно важными для него становятся не только обычные показатели – цена, издержки, прибыль, но и целый набор непривычных – качество, штрафные санкции, соблюдение контракта и т. д.¹⁰. Небеспроблемными оказываются и взаимодействия экономических субъектов – изучаются содержание и различные аспекты транзакционных издержек. Хотя эволюция институтов рассматривается преимущественно в виде процесса формализации неформальных норм, это – шаг вперед в сравнении с ортодоксальной равновесностью.

Время покажет, каковы пределы самоотрицания ортодоксальной неоклассики в столкновении с несвойственным ей объектом. Пока же можно констатировать, что сила и слабость "старого" и "нового" институционализма вытекают из отсутствия у него достаточно строгой и завершенной методологии и теории в не меньшей мере, чем сила и слабость неинституционализма – из наличия таковых (неоклассических). Вопрос об адекватной базовой теории и методологии остается открытым.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Очевидно, искомые теория и методология должны соответствовать *постигаемому объекту*, каковым, на мой взгляд, является не *homo oeconomicus* в традиционной экономической системе, а *homo universalis* (универсальный человек) и человеческий универсум в институциональном контексте.

В самом деле, акцент неинституционализма на нормах и правилах как *институтах* и их содержательная характеристика рождает предположения об институциональной природе не тождественных им, но сходных и/или однородных с ними феноменов. Собственно *норма* суть "предписание определенного поведения, обязательное для выполнения и имеющее своей функцией поддержание порядка"¹¹ в системе взаимодействий. Ее обязательные структурные элементы – атрибут, фактор долженствования, цель и условие. Наряду с ними *правило* сопровождается реальными или символическими санкциями и вознаграждениями¹².

В *традициях* менее определенно выражены фактор долженствования, цель и санкции, а их обязательный трансгенерационный характер вовсе не обязателен для норм и правил. Традиции гораздо труднее поддаются формализации, поскольку историчнее, богаче, личностнее. Традиция не всегда становится нормой или правилом, а нормы и правила – не всегда традицией.

Обычай как "общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения"¹³ менее сложен и более конкретен, чем традиция, а потому более операционален и легче формализуем. Для него характерна не "железная необходимость", а лишь частотность, типичность, но он может быть менее динамичным, чем традиция. Обычай традиционен, традиция же может проявлять себя не только в обычаях, но и в принципах, рутинных, образцах пове-

¹⁰ Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории – С. 33.

¹¹ Цит. по: Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. – М., 2002. – С. 43.

¹² Шаганс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах. – С.17.

¹³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1973. – С. 402.

дения. Обычаем устанавливается тот или иной *обряд* как совокупность определенных действий и *ритуал* как их определенный порядок, последовательность¹⁴. Обряд и ритуал жестко регламентируют действия группы и каждого индивида.

Привычка – обычный, постоянный образ действий¹⁵ – менее заорганизованна и преимущественно более индивидуальна. Она действительно предполагает более или менее самоподдерживающуюся склонность или тенденцию к следованию предустановленной или благоприобретенной норме поведения (Ч.Кеймик)¹⁶, но это не мешает ей быть необязательной, не- или аномативной. Традиции, обычаи, ритуалы, как правило, привычны и, вероятно, являются "предками" многих привычек, которые, однако, далеко не всегда традиционны или ритуальны.

В традициях, обычаях, обрядах, ритуалах и привычках *изначально* доминируют бессознательные и подсознательные начала человеческого духа. Нормы, правила, принципы, образцы (паттерны) и рутины гораздо более осознанны, хотя не всегда рациональны. *Принципы* задают исходные установки, параметры, а также границы для указанных осознанных феноменов. Точное следование принципам, как правило, формирует *образцы (паттерны)* действий или состояний, хотя нередко встречаются и образцы непринципиальности. Применительно к организациям и фирмам нормальные и предсказуемые образцы поведения называются *рутинами*¹⁷. По Р.Нельсону и С.Винтеру, они предполагают "запоминание действия через его регулярное повторение"¹⁸ и поэтому могут утверждать отнюдь не рациональные консервативные *распорядок и методы* действий.

Вероятно, перечень указанных феноменов может быть продолжен, здесь представлена одна из современных версий их содержания. Но, на мой взгляд, уже перечисленного достаточно, чтобы сделать вывод об их универсумном происхождении и содержании. Воздействуя на каждую сферу универсума, органически вплетаясь в экономическую, экологическую, социальную, духовную и политическую жизнь, по своей *сути* они не могут быть определены как собственно экономические, экологические, социальные, духовные или политические. Таким образом, если указанные феномены суть институты, то *институты универсумны, а универсум институционален*.

Следовательно, в поисках описывающих и объясняющих их теорий необходим выход *за пределы* фундаментальной экономической науки. Вероятно, это тот случай, когда особая экономическая роль институтов не может быть достаточно адекватно отражена без понимания их общей универсумной природы. Разумеется, нельзя отрицать наличия институтов собственно экономических, но и они не существуют иначе, как в универсумном контексте. Поэтому искомая базовая теория должна быть максимально и сомасштабной универсуму, и приложимой к его отдельным сферам, прежде всего, экономической. На мой взгляд, к указанным требованиям близка творческая составляющая теории человеческой жизнедеятельности как один из результатов активно развиваемого отечественной общественной наукой 70–80-х годов прошлого века деятельностного подхода.

¹⁴ Там же. – С. 398, 627.

¹⁵ Там же. – С. 540.

¹⁶ Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение. – С. 40.

¹⁷ Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2000. – № 2. – С. 110.

¹⁸ Цит. по: Олейник А.Н. Институциональная экономика. – С. 277.

Несмотря на неизбежный "налет" советской официальной идеологии, потенциально указанный подход достаточно адаптивен к постнеклассическим стандартам саморазвития и самоорганизации, открытости, неустойчивости и нелинейности, междисциплинарности, органицизма и элевационности. Как известно, именно эти стандарты позволяют постнеклассической науке изучать сверхсложные человекоразмерные системы универсумного типа. Если же учесть, что жизнедеятельность является способом бытия и движения человека в универсуме, способом упорядочения последнего, то вполне правомерной представляется гипотеза о **жизнедеятельности как субстанции, основании и среде институтобразования**, а следовательно, и о **принципиальном соответствии универсумики и архитектоники институтов универсумике и архитектонике жизнедеятельности**. Такая постановка проблемы не исключает изучения институциональной среды и оснований самой жизнедеятельности.

Разработка указанной гипотезы предполагает опору на некоторые исходные понятия и постулаты. В жизнедеятельности как способе существования человека с известной долей условности можно выделить две ключевые взаимосвязанные и взаимоисключающие составляющие: поведение и деятельность (рис. 1). В экономической науке, в особенности в behavioral economics, психологии, социологии и политологии, нередко отождествляются поведение и жизнедеятельность, поведение и деятельность, жизнедеятельность и деятельность. Вытекающая отсюда подмена понятий и нечеткость формулировок, конечно, не на пользу делу.

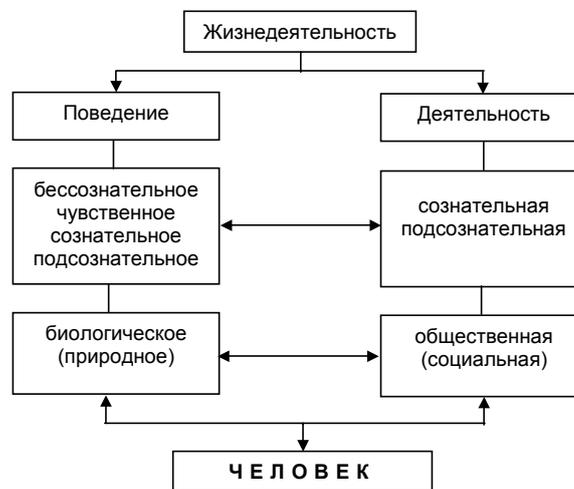

Рис. 1. Структура человеческой жизнедеятельности

Вероятно, необходимо различать собственно поведение (поведение в узком смысле) и поведение человека (поведение в широком смысле). *Собственно поведение* – это цепь реакций биологического организма на внешние и внутренние раздражители, причем каждое последующее действие определяется предыдущим и наступает с его окончанием. Такое поведение *досознательно и бессознательно*, а потому представляет собой совокупность инстинктов, безусловных и условных рефлексов, реакций, стереотипов, установок и иных врожденных и генетически наследуемых психофизических образований.

Поведение человека – это прежде всего его активность как биологического вида и в этом смысле отвечает стандартам собственно поведения. Но оно неизбежно несет на себе печать многотысячелетней трансформации в *деятельность* и соответствующей социализации человека. Поэтому человеческое поведение включает не только усложненное бессознательное, но и чувственно-сознательное, а также адекватное ему подсознательное начало человеческого духа. Порождая деятельность и оставаясь самими собой, поведение под влиянием своего детища становится иным.

В философско-экономическом смысле *деятельность* – это осуществление сущего человеком, а более конкретно – сознательное и целенаправленное изменение, преобразование человеком универсума (природы и общества) и самого себя. "Классическая наука и ее методология абстрагируется от деятельностной природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности" (В.Степин)¹⁹ и самой деятельности.

В этом контексте содержание и структура человеческой деятельности представляются более сложными, чем предполагал, например, К.Маркс. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Марксов конкретный труд двойственен. С одной стороны, он является *опредмечивающим* трудом, создающим потребительные стоимости (продукты). Определенное – процесс перенесения, запечатления человеческих сущностных сил в предмете, обретение человеком собственной действительности в объекте, условиях, процессе и результатах (продуктах) своего труда. Поэтому всякое производство есть некоторое определмечивание человека.

С другой стороны, конкретный труд является *очеловечивающим* трудом, создающим самого человека. Очеловечивание (распредмечивание) означает превращение определений объекта, условий, процесса и результата труда в том виде, в котором они существуют в себе и для себя, в сущностные силы человека, овладение человеком их скрытыми свойствами. Это и есть *собственно деятельность*.

Поскольку и определмечивание, и очеловечивание являются не только производством конкретных свойств и характеристик продукта и, соответственно, сущностных сил человека, но и требуют вполне определенных затрат физиологической и духовной энергии человека, то наряду с *конкретной* составляющей важно выделять и составляющую *абстрактную*, прообразом которой является Марксов труд вообще.

Далее. С одной стороны, целенаправленное *непосредственное определмечивание* в сфере производства продукта (материальное производство) сопровождается *опосредованным очеловечиванием*, ибо, производя продукт, человек развивает собственные сущностные силы. С другой стороны, *непосредственное очеловечивание* (самоочеловечивание и взаимоочеловечивание) в сфере производства человека (нематериальное производство или социальная сфера) сопровождается *опосредованным определмечиванием*.

Наконец, современные реалии позволяют различать в самом определмечивании по крайней мере две составляющие: классическую *искусственноопредмечивающую* (продуктообразующую), то есть формирующую искусс-

¹⁹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С.15.

венную природу, и *естественноопредмечивающую*, или природовоспроизводящую, экологическую; а в очеловечивании – *социоочеловечивание* (в образовании, науке, культуре) и *биоочеловечивание* (в медицине, физической культуре, спорте).

Таким образом, человеческая деятельность предстает как сложная система различных составляющих (элементов) и их взаимосвязей. Но реальный человек целостен, и вне единства сознательного, бес- и подсознательного начал не существует. Его поведение деятельностно, а деятельность является поведенческой. Каждая составляющая, элемент, акт деятельности так же, как и поведения, жизнедеятельностны. Если же принять во внимание, что конституирующим и доминантным признаком человека является именно деятельность, то один из вариантов структуры жизнедеятельности может быть представлен сущностными элементами последней, их взаимосвязями и формами проявления в экономической, экологической, социальной, духовной и политической сферах универсума (рис. 2).

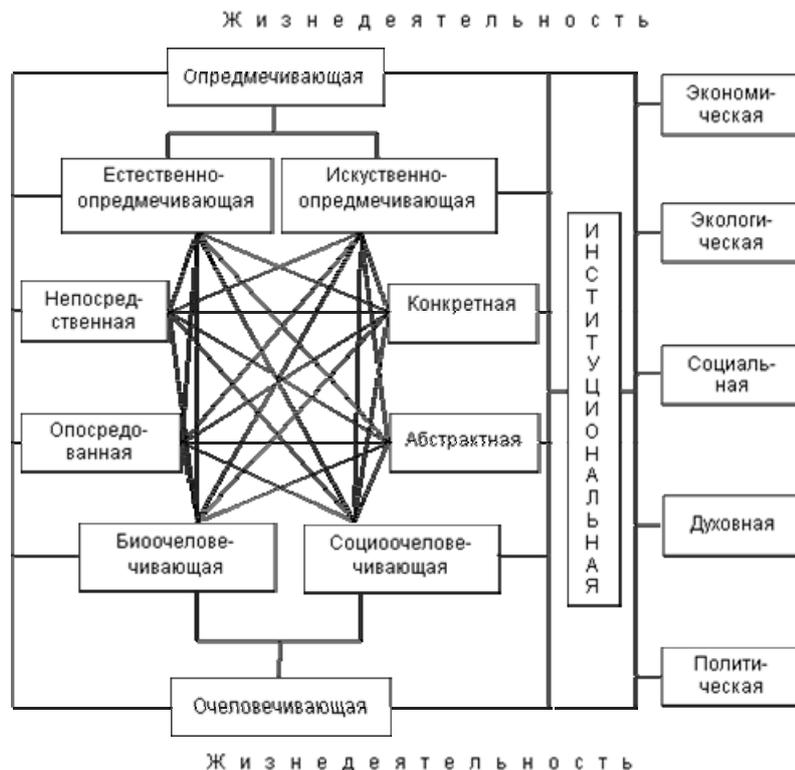

Рис. 2. Структура человеческой жизнедеятельности

Вероятно, указанная логическая структура жизнедеятельности является квинтэссенцией ее длительной исторической эволюции. Не исключено также, что определенные доминантные сочетания ее элементов отражают сущностные черты различных исторических эпох человеческого универсума.

По отношению к этой сверхсложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системе, жизнедеятельность выступает важнейшим процессом и механизмом упорядочения ее как тотальности, а также ее различных составляющих, в том числе хаотизации, повышения уровня самоорганизации и

негэнтропийности. В универсумном контексте **упорядочение** предстает как единство многообразного и в первом приближении включает шесть взаимосвязанных базовых блоков: ограничения, функционирования, развития, управления, коммуникации, легитимации (рис. 3).

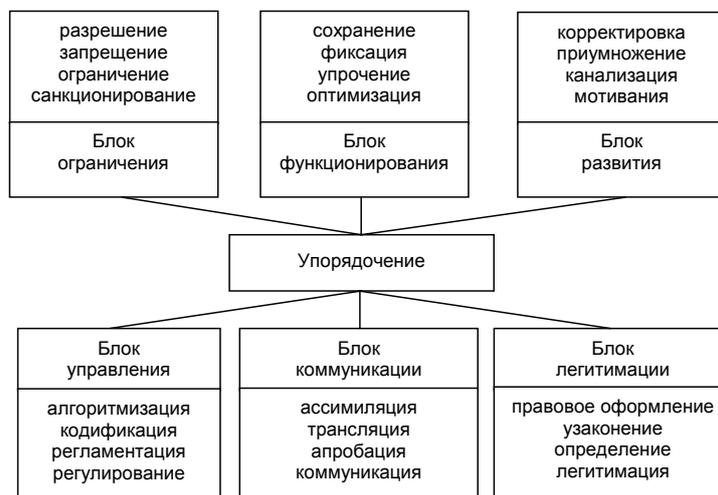

Рис. 3. Упорядочение универсума и его составляющие

Каждый из них формирует соответствующие типичные составляющие. Например, упорядочение как функционирование предполагает, прежде всего, сохранение, фиксацию, упрочение и оптимизацию. Разрешение, запрещение, ограничение, санкционирование являются необходимыми элементами упорядочения как ограничения. Возможны различные сочетания указанных составляющих – регламентация коммуникации, запрещение ассимиляции, правовое оформление ограничения и оптимизации и т. д. Указанными составляющими богатство содержания упорядочения не исчерпывается.

Для эффективного выполнения этих функций жизнедеятельность должна быть по сложности и упорядоченности сомасштабной и соразмерной универсуму. Но как обеспечивается такой уровень? Особым сочетанием составляющих жизнедеятельности и их взаимосвязей? Очевидно. Но какая из составляющих функционально в большей мере, чем иные, "ответственна" за упорядоченную самоорганизацию и саморазвитие? На мой взгляд (и это еще одна гипотеза) – **институциональная**, непосредственным результатом которой являются **институты как способы и механизмы упорядочения жизнедеятельности**. Вероятно, жизнедеятельность способна упорядочивать универсум в той мере и постольку, в какой мере и поскольку самоупорядочивается посредством институтов. В то же время упорядочиваемый и упорядочивающийся универсумы сообщают импульсы упорядочению жизнедеятельности. Следовательно, институциональное упорядочение жизнедеятельности, по крайней мере, тесно взаимосвязано с жизнедеятельностным упорядочением универсума, вплетено в его ткань (не исключено, что это – особые составляющие единого процесса универсумного самоупорядочения) и поэтому не может быть значительно проще и неразвитее его.

Институциональной составляющей жизнедеятельности присущи все жизнедеятельностные атрибуты (средства, предметы, цель, субъекты, объек-

ты, процесс, функции, результаты и т. д.), а ее взаимо- и совместное действия с иными составляющими рождают соответствующие базовые институты (например, экономические институты непосредственного естественноопределенного, социальные институты опосредованного искусственноопределенного, духовные институты непосредственного самоочеловечивания и т. д.), которые выступают ключевыми элементами институциональной универсумики и институциональной архитектоники²⁰.

Институциональная универсумика представляет собой безусловную (безотносительно к каким-либо особым условиям и предпосылкам) и полную совокупность институтов, а также их непосредственных и опосредованных системообразующих взаимосвязей²¹ в контексте жизнедеятельности и универсума (рис. 4). Вероятно, институциональной универсумике как одной из сверхсложных систем в составе саморазвивающихся жизнедеятельностной и универсумной систем присущи открытость, нелинейность, диссипативность, элевационность, а также поливариантность возможных сочетаний институтов и их взаимосвязей.

Прежде всего отдельные институты могут быть связаны между собой тем или иным образом – генетически, генерационно, автопоэтически и т. д., а сами взаимосвязи – представлять взаимозаменяемыми и/или взаимодополняемыми. Во-вторых, институты как носители преимущественно вполне определенных связей и функций могут быть коэволюционными, конкурентными, коммуникативными, коммуникативно-метаболическими, конкурентно-симбиотическими и т. д. и/или нормативными, позитивными, ограничивающими, запрещающими, разрешающими, обязывающими, нейтральными и т. д.

В-третьих, наиболее интересны комплексы (системы) институтов и их взаимосвязей как составляющие сверхсложной институциональной универсумики. Априори можно предположить, что *простые* комплексы представлены отдельными институтами и их взаимосвязями (например, симбиотические связи прав пользования и распоряжения объектами собственности), *интеграционные* – включают институты и взаимосвязи между ними, конституирующие характер и содержание особых сложных систем (например, рынок труда, финансовая система, денежно-кредитная система), а *обобщающие* (универсумные) – объединяют институты и взаимосвязи между ними сверхсложных систем универсумного типа (например, международной экономики, национальной экономики).

Институциональная архитекtonика является неотъемлемой составляющей институциональной универсумики, но, в отличие от нее, включает только непосредственно системообразующие институты и их взаимосвязи, состав которых зависит от вполне определенных условий и предпосылок. К примеру, экономическая институциональная архитекtonика неизбежно отличается от социальной институциональной архитектоники, а институциональная архитекtonика переходной экономики не может быть аналогичной архитектонике экономики развитой.

²⁰ На мой взгляд, институты подчинены диалектике общего, особенного и единичного. Так, традиции, обычаи, привычки, принципы и подобные им институты по своей природе универсумны (всеобщие), но в различных сферах, например экономической, проявляются особым образом, а их индивидуальные носители демонстрируют уникальные формы и способы их реализации.

²¹ См. подробнее: Тарасевич В.Н. Экономическая синергетика: концептуальные аспекты // Экономика и прогнозирование. – 2002. – № 4. – С. 56–69.

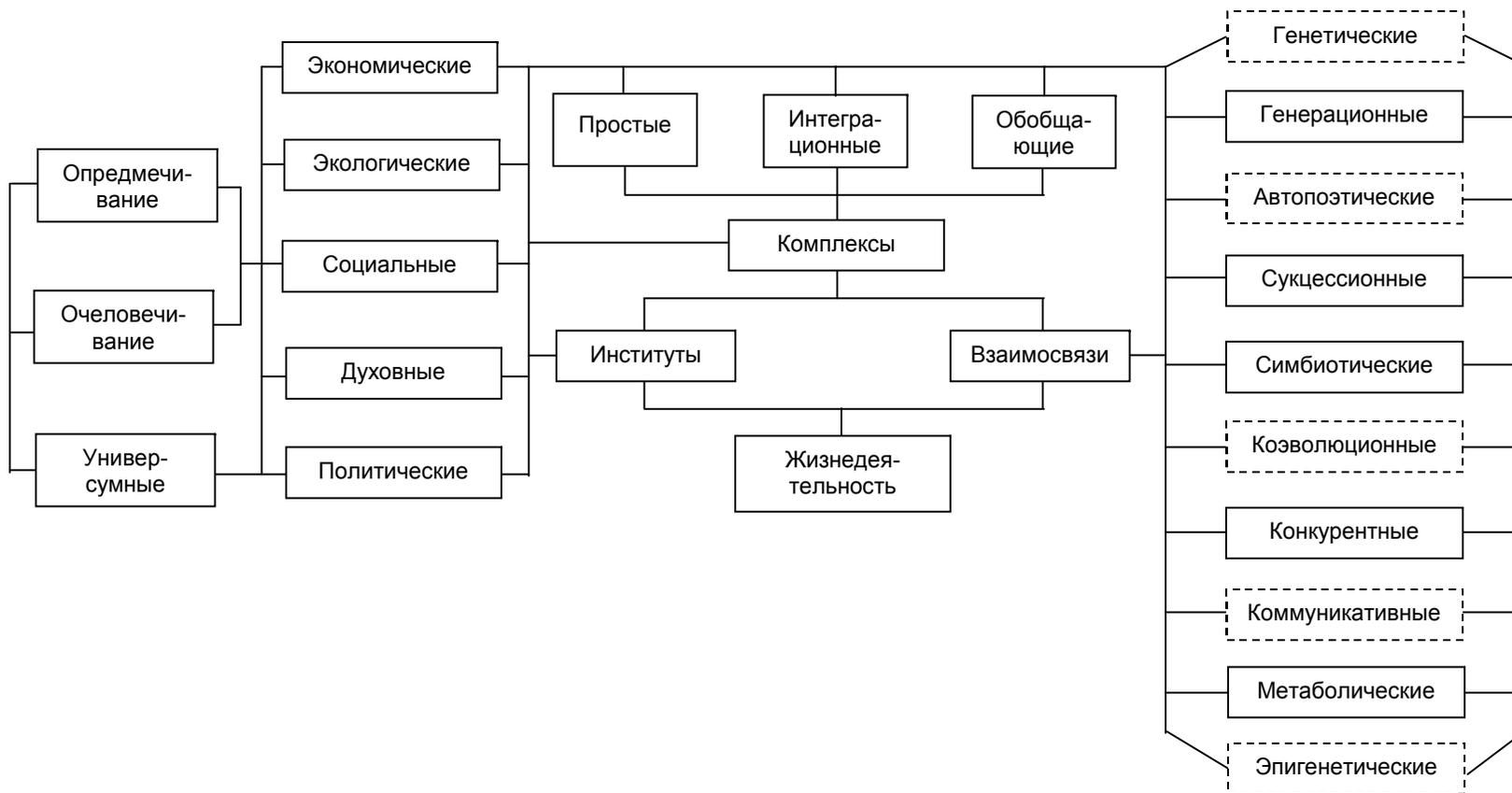

Рис. 4. Схема институциональной универсумики и архитектоники

Вероятно, архитектонике имманентны генетические, автопоэтические, коэволюционные, коммуникативные и эпигенетические взаимосвязи (на рис. 4 они отмечены пунктиром) институтов, обеспечивающие ей высокую степень стройности, строгости и завершенности, но менее значимые параметры сложности в сравнении с универсумикой. Следовательно, институциональная архитектоника систем универсумного типа может быть не вполне соразмерной уровню их сложности, а потому и отражать ее не вполне адекватно. В то же время акцент на непосредственно системообразующих институтах и взаимосвязях и абстрагирование от опосредованно системообразующих (например, сукцессионных и симбиотических связей) позволяет более четко представить "жесткое" содержательное ядро указанных систем.

Таким образом, использование потенциала отечественной теории человеческой жизнедеятельности и универсумного подхода позволяет выдвинуть ряд гипотез, разработка которых, на мой взгляд, открывает возможности синтеза процесса и результатов отечественных и зарубежных институциональных исследований. Разумеется, в ходе дальнейших поисков некоторые гипотетические положения могут быть развиты, а некоторые – отвергнуты. Ну что же. Такова судьба гипотез. И не только гипотез...